

Молоко

Одиночество – это самое жестокое наказание во вселенной. Я ещё не был в аду, но не думаю, что моя перманентно горящая задница будет сильно меня расстраивать через несколько лет заточения. Однако речь идёт не о том моменте, когда ты физически находишься наедине с собой, а скорее о том, что ты идёшь по жизни абстрагируясь от социума. Это не те плаксивые мысли, которые обычно терзают души тинейджеров. Когда ты понимаешь, что ты действительно сам по себе – вот тут уже начинаются проблемы. Сначала тебя обуревают счастье, заполняющее всё пространство внутри тебя, растекающееся по жилам и прикручивающее пару крыльев к твоей прогнувшейся спине. Ты готов на подвиги и великие деяния только из осознания собственной уникальности. Можно долго говорить о том, что самые сильные люди в истории шли по временной оси не оглядываясь, не опираясь на чужое плечо и не искавши помощи у окружающих, но мы живём в другом мире. В мире, где социальные сети поработили блуждающий разум homo internetus; где по телевидению только и говорят, что о взаимоотношениях между полами; где все жители Земли знакомы через шесть «рукопожатий». Где ты *должен* быть социально-активен.

Потом наступает вторая стадия. Я называю её «падение». В какой-то момент ты осознаешь, что окружающие тебя люди – не просто болванки, обладающие заданным набором фраз и жестов. Но ты построил вокруг себя стену, выдерживающую прямое попадание килотонной ядерной боеголовки. Говорят, что человек, который оказался в изоляции на долгое время без еды рано или поздно начинает думать о том, что неплохо было бы съесть собственную руку. И вот за это стеной ты начинаешь пожирать сам себя.

Третья стадия – «смирение». Ты уже не окрылён, не подавлен. Каждый твой день – это приключение. Ты улыбаешься людям, общаешься с некоторыми из них и превращаешься в успешного человека. Счастливым это тебя не делает, но и расставание с кем-то из активного социального графа не приносит никакой печали.

Однажды морозным весенним утром я проснулся раньше всех остальных. Удивительно, но самочувствие было вполне сносным. Как если бы старая «Вольво» 1971-го года выпуска завелась с пол-оборота на морозе, я был слегка ошарашен. Только «движок» слегка стучал. Аккуратно открыв дверь, я вышел из комнаты и огляделся – все ещё спали. Повсюду были разбросаны пустые бутылки, а из соседних комнат раздавалось слегка приглушенное посапывание.

Придерживаясь стены, я дошел до вешалки, стянул с неё своё пальто и, накинув его на плечи, прошёл на кухню. В детстве я ненавидел молоко. Это было одно из тех детских разочарований, которые формировались из-за несоответствия ожиданий и реальности. Однажды я слышал историю о маленькой девочке, которая выйдя на улицу в зимний день впервые увидела снег. Она подбежала к сугробу, запустила в него свои маленькие ручки и... заплакала. Уже дома, отвечая на вопрос матери о том, что же её так расстроило, девочка сквозь слёзы сказала: «Мама, а не бывает тёплого снега?». Вот так и рушатся мечты. Но сейчас мне была необходима эта белая субстанция. Найдя в холодильнике распечатанный пакет с молоком, я аккуратно залил его в кружку. Ещё несколько движений, и я уже выходил на балкон. И вот он, момент истины! В 8 часов утра, после дикой алкогольной вечеринки ты, накинув пальто на плечи, выходишь на балкон с кружкой молока, чтобы постоять и покурить. А там стоит человек, с кружкой

молока в левой руке и дымящийся сигаретой в правой, с накинутой на плечи курткой и молча смотрит на тебя. В этот момент я понял – я не один.

Часть 1

Провода

– Широбоков! Я убью тебя!

Удивительно, как часто я слышал эту фразу. Иногда мне казалось, что «Я убью тебя» – это моё второе имя, только известно это было всем, кроме меня. Захлопнув дверцу шкафчика в раздевалке, я на ходу натянул красную футболку через голову и вывалился в торговый зал. Сейчас самое главное – затаиться подальше. Когда начальник разгневан и хочет на тебе сорваться, самым лучшим решением будет просто не попадаться ему на глаза. Этого человека я знал в совершенстве, поэтому задача существенно упрощалась – достаточно было просто дислоцироваться туда, где он меня точно не ожидал бы увидеть в этот момент, так что я решил пойти и поработать.

Работа продавца в магазине бытовой электроники просто невероятна: жизнь бурлила яркими красками (Особенно красным. До сих пор не понимаю, как я не превратился в серийного убийцу – три года играть безбашенного идиота в ярко красных декорациях!), каждый день был наполнен новыми приключениями (Если развод бабушек можно назвать приключением), а деньги имели свойство оседать в кармане (Ещё бы, при таком рабочем графике ты просто не успеваешь их тратить). Но моя работа в этой обители хаоса была гораздо интереснее: меня всегда тянуло к дорогой технике, особенно к звуку – тактильная отдача от дорогого материала очередного диффузора приводила меня в экстаз. В итоге, спустя 3 года я имел обширный опыт работы с теми аппаратами, к которым большая часть персонала никогда в жизни не прикасалась. И я заслужил свой маленький отдел, где я мог быть царём и богом. За счёт высокой стоимости товара, я мог выполнить месячный план одной продажей. Жизнь была бы прекрасной, если бы такой образ действий не стимулировал мою самую большую беду с момента рождения – патологическую лень. Почти уверен, если бы мне в момент рождения предложили остаться в утробе матери, я бы так и поступил. Вот и сейчас, мой начальник был готов увидеть меня где угодно, но только не за выполнением своих прямых обязанностей.

– Широбоков! Я вижу тебя! Твой хвост выглядывает из-за стеллажей!

Оказывались ли вы когда-нибудь в ситуации, когда при переходе через дорогу в какой-то момент приходило понимание, что траектория вашего движения ошибочна, и вон тот седан сейчас расплющит тебя по мостовой? Очень многие цепенеют, и просто смотрят на надвигающуюся смерть. Макс Чебонян в этот момент был для меня тем самым седаном. Он всё шел на меня своей косолапой походкой, а я смотрел на его бороду и думал, что если бы он был чуть крупнее, то был бы весьма похож на Джеймса Хэя.